

Марианна
Гончарова
Моя веселая
Англия

Марианна Борисовна Гончарова

Моя веселая Англия (сборник)

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=616575
Гончарова М. Моя веселая Англия: Эксмо; СПб; 2015
ISBN 978-5-389-09412-3

Аннотация

Это не путеводитель и не дорожные заметки. Это исключительно впечатления автора от личного знакомства со страной, о которой всю жизнь мечталось и грезилось. Автор какое-то время работала переводчиком. Из её грез, желаний, впечатлений и воспоминаний и соткана эта книга. Она не только о Великобритании. Она и о Гончаровой. Которая открыла для себя эту страну и страна в ответ открылась ей. Это книга о счастливом и веселом человеке в стране своей мечты.

Веселого путешествия и тебе, читатель.

Содержание

Вместо предисловия	5
Страна неправильных глаголов	6
Тихим голосом	6
Они у нас	19
Страсти по Изауре	19
Джеймс	20
Гуд-бай	21
Луууу	23
Свадьба в Топоривке	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Марианна Гончарова

Моя веселая Англия

Совпадения имен и фамилий – случайны

© Гончарова М., 2015

© Оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2015

Издательство АЗБУКА®

Вместо предисловия

В маленьком городе на севере Англии я брела по мощеной улице и вдыхала аромат юной зелени и желтых даффодилов, брела в тот день беспечная и счастливая. И все, кто шел мне навстречу, – то ли так было принято в этом маленьком городе, то ли физиономия у меня была уж очень блаженной – улыбались мне и бросали приветливое, немного насмешливое «Hello!».

Я жалела только об одном: что мои родные и друзья, мои любимые университетские преподаватели – а главное, моя мама и сестры Таня и Лина, – что они не испытывают этого вот полного, абсолютного счастья в незнакомом маленьком городе на севере Англии. Нет-нет, я жалела совсем не о том, что они не видели Лондона или Эдинбурга, не посещали музеев или картинные галереи, а вот именно о том, что не ощутили они вместе со мной блаженства такой вот безмятежной прогулки по древней узкой мощеной улочке мимо домов с черными перекрещенными балками, мимо закопченных каминной сажей стен под звон колоколов на городской ратуше. Навстречу бежали приверженцы здорового образа жизни, яркой стайкой просеменили малыши с воспитателями из школы для самых маленьких, прошли солидный, похожий на Санту господин с молодым игривым лабрадором и юная мама с коляской, где спал годовалый малыш. Торжественно проехали мальчик и девочка, подростки, верхом на стройных лошадках. Прошмыгнули велосипедисты в смешных шлемах. И в темно-синей с серым форме, в галстуках цветов школы к желтому автобусу прошагали дети с ранцами на спинах.

Ненадолго, на какие-то минуты, я вдруг избавилась от своих обычных страхов и тревог, не испытала никакого внутреннего сопротивления радости, как бывало только в детстве...

И вечером, усевшись писать письмо, вдруг поняла, что не в силах передать на одном-двух стандартных листах все, что чувствую. Необходимы нюансы и детали, я должна размахивать руками и показывать в лицах, таращить глаза, орать, петь или говорить шепотом... И рассказывать, рассказывать. И про то, как мы с гидом Ханной прятались от дождя под старым мостом, и про то, как от большой реки родился вдруг в центре огромного города нежный, звонкий, чистый ручеек и жители бережно проложили ему, такому юному, глупому, доверчивому, удобную каменную дорожку, чтоб не высох, чтоб не испачкался, чтоб не потерялся. И про то, как незнакомая прежде собака в незнакомом прежде доме в первый же день нашего знакомства положила голову мне на колени, как будто сказала: «Ты неплохой человек, девочка, я тебе доверяю...» И хозяйка, взглянув краем глаза, суется на кухне, вежливо попросила ее:

– Sashya, darling, why wouldn't you give a smile to Marie-Anna? (Саша, дорогая, почему бы вам не улыбнуться Марианне?)

И Саша умильно растянула огромную плюшевую свою морду, цвета белого меда, с черным кожаным носом в восхитительной, искренней человеческой улыбке.

Про то, как трепетно и благодарно относятся британцы к земле своей, кормилице. И еще про то, как гордилась я иногда людьми моей страны, которых сопровождала в поездках по Британии, и как иногда бывало за державу обидно.

И еще о том, что рано или поздно, если чего-то сильно хочешь, о чем-то горячо мечтаешь, а главное, к этому себя готовишь, твоя мечта обязательно сбывается.

Поэтому со временем, уже глядя на прекрасную, так любимую мной страну сквозь туман воспоминаний, я и решила написать эту книжку. Только для того, чтобы разделить с вами, дорогие читатели, уверенность, что и ваши мечты тоже обязательно сбудутся.

М. Г.

Страна неправильных глаголов Записки переводчика

Тихим голосом

Говорят, тайны нужно открывать тихим голосом, даже шепотом. Так вот, прислушайтесь: с детства у меня была одна мечта.

Я, сколько себя помню, всегда мечтала путешествовать. Не важно, куда ехать или даже идти: за моря-океаны или в соседнее село. Потому что здесь и там есть для меня самое интересное – люди. С их привычками, верой, укладом, ритуалами, праздниками. Как они живут, как ходят, как одеваются, какие танцы танцуют, какие песни поют, какие праздники празднуют, что едят, ну и, конечно, с какого – острого или тупого – конца разбивают за завтраком яйцо.

С реализацией мечты в нашей семье всегда было туговато. Ну, например, папа. Он, мастер спорта по гимнастике, мечтал стать участником олимпиады. И что? Дошел до Спартакиады народов СССР и получил несовместимую с гимнастикой травму руки. Теперь он не так уж и безукоризненно крутит солнце на перекладине или прыгает через коня, но зато знает *как*. И тренирует молодежь.

Теперь мама. У нее вообще были мечты – одна фантастичней другой. У них в Черновцах на улице Фрунзе была отличная компания в детстве. Заводилой был мальчик постарше по имени Вилен, мамин друг. И вот они всей компанией во главе с Виленом мечтали поймать Гитлера. Дело в том, что в мамином старинном австрийском доме был чердак, а ход в этот чердак был почему-то замурован и только маленькое круглое слуховое окошечко говорило о том, где-то там есть чердак. И если бы они, моя мама, Вилен, их друзья, не были детьми войны, они бы искали там клад, а так они мечтали обнаружить там спрятавшегося Гитлера. Открыть однажды чердак, найти Гитлера и... Вот тут вот дальше они не придумали, что будут делать. Главное, обнаружить Гитлера и сказать: «Ага! Попался?!»

А сокровенная мамина мечта (ей тогда было шесть лет) – стать балериной... Но что вы... Мама мечтала до тех пор, пока не увидела картинку в старом журнале «Нива» с фотографией балерины Марии Мариусовны Петипа в балете «Голубая георгина».

Мама как глянула на эту фотографию, так и поняла, что не получится у нее с балетом ничего. Мама ведь была тонюсенькая, прозрачная, а Мария Мариусовна стояла, отставив кокетливо ножку и вытянув ручку, такая шикарная: пышная, нарядная в своих кружевах, как купчихина подушка, ручки – пухлые в ямочках, ножки – коротенькие и толстенькие, а бюст – ого, где-то размера «D», если по-нашему, а то и «E»... А раз она дочка Мариуса Петипа, значит, эталон балерины. Мама осмотрела себя в зеркало и поняла – нет, ничего не светит, как ни горько, но с этой мечтой придется расстаться.

Вот как человек понимает, что именно это его мечта и даже сбудется она или нет? Мама увидела фотографию Петипа – и *всё*. Поняла, что не осуществится... А вот Резо Габриадзе рассказывал, что, например, Бунин, Иван Бунин, писатель... Он ведь тоже однажды, лет в пять, вдруг увидел фотографию. В медицинской энциклопедии. Необычный человек на фоне необычного пейзажа. И *всё*! И сразу Бунин в свои неполные пять лет вдруг почувствовал трепет внутренний, вибрации вдохновения, желание *создавать*. Главная его смутная мечта получила конкретные очертания.

Подпись была под этой медицинской фотографией: «Кретин в горах».

Вот и я хорошо помню, что и мое неосознанное желание открывать, узнавать, познавать новое – ездить, ходить, рассматривать людей, изучать их прошлое и настоящее – вдруг приобрело отчетливые формы, явный силуэт и даже запах благодаря привету с гор. Точнее, с Кавказа.

Однажды мои родители поехали на Кавказ. Что их вдруг туда понесло? Они вообще только повода ждали – вышмыгнуть побыстрее из дому и умчаться куда-нибудь, чтобы ехать, идти, лазить, плавать, карабкаться и топтать нашу землю, чтобы она быстрее вертелась, – а нас с сестрой, как всегда, подкинуть бабушке.

И вот оттуда вдруг приходит нам письмо. И не просто письмо! Значит, большой сочный лист какого-то дерева или куста, похожий на лист фикуса у бабушки в спальне (мама сейчас вспоминает, что это был лист магнолии вроде бы, если она ничего не путает). На нем – марки. Три. И круглые почтовые печати. Все как полагается на почтовой карточке. И там, на листе, маминым красивым, разборчивым учительским почерком написано:

Дорогие девочки, мы в пути, прошли 62 километра. Слушайте бабушку. Целуем, мама и папа.

А ниже папиным почерком было приписано:

Мама, не корми девочек на ночь пирожками! Целую, Боря.

Еще ниже – маминым почерком:

И варениками. Целую, Нина.

Вся улица сбежалась смотреть и читать это необычное письмо. Соседки галдели и ахали. А тетя Маруся Береговенчиха обиделась, видно, и крепко обзавидовалась, что все внимание улицы теперь приковано не к ней, а к нашей бабушке. И все благодаря необычному письму моих родителей. Потому что еще вчера она была самая популярная на нашей улице и задирала нос из-за того, что какой-то приезжий отдыхающий из города Ярмолинцы Хмельницкой области сказал ей, что она – копия Смирнова из кинофильма про милиционера Анискина, ну копия. И тетя Маруся повсюду ходила и всем рассказывала, что один курортник, ненормальный какой-то, – и ручкой отмахивалась – сказал, ну копия вы, Мария Анатольевна, артистка Смирнова. Вечно молодая красавица Смирнова Лидия. Говорит он, иду-иду, а навстречу ну чисто Смирнова! Он глазам не поверил. Так и говорит, не поверил глазам, Мария Анатольевна, своим сначала, что это просто вы, а не вечно молодая красавица артистка Смирнова. И тетя Маруся ходила неделю как именинница, прическу сделала, как у Смирновой из журнала «Экран», с таким валиком надо лбом, и губы красила рельефно. И только ведь привыкать начала... Как тут бабушка с этим диковинным письмом взяла и подпортила ее популярность. И она, эта тетя Маруся Береговенчиха, сложив руки под грудью, заметила ехидно:

– А шо это твои дети, Шура, уже на растениях письма пишут, все равно как Робинзон Крузо из кино «Робинзон Крузо» или как этот, дикарь этот, Дерсу Узала из кинокартины одноименного же названия. Не могли уже карточку красивую прислать. Вон мой зять прислал один раз. «Привет из Крыма» называлась. С котяточками. Это у твоих детей, наверно, деньги закончились. Прогуляли все. Может, они и едят их, листья эти...

И тут же эта бесстыжая тетя Маруся стала требовать у бабушки дать ей наш листок с собой домой, чтобы показать своим детям. Они прямо напротив жили, но дети тети-Марусины гордые были оба, и дочка ее, тети-Марусина, и ее зять. Они только из-за забора смотрели и шеи тянули, чего у нас во дворе люди собрались и кудахчут. И зять ей сказал:

– А знаете что, вы, мама, а ну давайте-ка, принесите нам сюда этот листок посмотреть. Чего это мы туда пойдем, мы ж сами з Киева и с высшим образованием, нам *неудобно*.

А бабушка обиделась, что моих родителей обозвали Дерсуузалами, и сказала, что ничего она не даст, что это детям прислали. Тем более листок наш с письмом уже стал совсем подсыхать и сделался хрупкий. Но Береговенчиха так задурила нам головы своей Смирно-

вой, что мы опомниться не успели, она – шаст в калитку, а письма и нет. Мы с сестрой – в слезы. А бабушка – она у нас такая героическая! – однажды даже через линию фронта не побоялась, молоденькая совсем, бежать с двумя сыночками-погодками, пять и шесть, и с детьми потом в землянке в лесу пряталась от немцев, потому что у нее муж был офицер Красной армии и еврей, – так что ей Береговенчиха – тьфу! Бабушка ее на дороге догнала, за руку – цап! – и назад к нам во двор. А ну давай письмо обратно! – говорит. А та захихикала подло, стала изворачиваться:

– Та какое письмо, Шура? Ты шо, Шура!

Бабушка, не стесняясь, отвернула у Береговенчихи воротник ее сатинового халатика в белый и серый цветочек, как у Смирновой Лидии в кино. И там, под халатом, и покоилось прилипшее к Береговенчихиной просторной груди письмо наших родителей. И что интересно – от жаркого и влажного климата у Береговенчихи под халатом на бюсте ее отпечаталось наше письмо слово в слово, но только в отражении. Потому что оно чернилами же было написано и перьевой ручкой. Тогда шариковые ручки уже у всех были, но в маленьком почтовом отделении где-то в горах, как потом рассказывала мама, стояла чернильница с чернилами и была привязана к гвоздю, вбитому в стол, перьевая ручка. Ну вот, бабушка отобрала листок и сказала Береговенчихе, иди, показывай своим детям, разворачивай халат, как героический матрос – тельняшку, и показывай. Пусть читают:

«аниН. юулеЦ. имакинерав И. яроБ, юулеЦ. имакжорип ьчон ан имрок ен, амаМ»

И Береговенчиха даже не извинилась, только ухмыльнулась накрашенными губами Смирновой Лидии и ушла, покачивая бедрами, кинув скороговоркой через плечо:

– Подумаешь... Та-а, лишьбынебыловойны!

Мы были ужасно огорчены. Мало того что буквы расплылись, так еще и кусочек листка откололся. Бабушка дала нам с сестрой еще раз поддержать необычное письмо, и мы представили, как мама и папа стояли под южным деревом, как подняли упавший листок и придумали на нем написать нам письмо. Как, обаятельные оба, они уговорили девочек на почте его взять. Как кто-то там за стеклом в почтовом отделении крикнул:

– Натэла, слушай, Натэла, складывай письма там осторожно, да? Там есть листок магнолии, видишь, да? Одни ненормальные сюда приходили с рюкзаками, туристы, своим детям письмо написали на магнолии, молодцы, да? Так ты смотри, не сломай, да?

И как оно, аккуратно упакованное Натэлой, летело самолетом, как Валя-почтальонка, бабушкина приятельница, бежала к нам, предвкушая нашу радость, удивление и как она будет пить холодный компот с еще теплыми пирожками у нас во дворе под орехом за столом, накрытым белой клеенкой в цветочек синенький, и рассказывать:

– А я им говорю, да знаю я их – это Шуры Гончаровой дети. Конечно, знаю. Ну, все на почте, конечно, прочитали. А что ж, такое оригинальное, как не прочитать. Да мы вообще-то всегда открытые почтовые карточки читаем. Ну так интересно же. А эту особенно...

Бабушка бережно обернула листочек в папиросную бумагу и положила на верхнюю полку буфета, где хранились все письма, открытки и фотографии наших родителей, заядлых путешественников. Где они на Шацких озерах, на фоне объявления, написанного на куске фанеры: «*Купацца в зоне пож. вода заборе запрещено*»; вот они под Рязанью, на конезаводе, мама, папа и длинноногий длинногривый конь в яблоках – все трое смеются, обнялись, счастливые. Вот они в Ялте – мама в смешной белой лохматой шляпе и папа-стиляга в рубашке с пальмами. Вот мама в Праге, в молодежном лагере. Рядом с ней Бари Харвуд, шотландец, красивый, как кинозвезда. Оба они, и мама, и Бари, в складчатых юбках. Этот факт, кстати, что Бари в юбке, всегда действовал как-то утешительно и на папу, и на бабушку, мамину свекровь. (Мужчина, конечно, видный, но в юбке же, пожимала плечами бабушка.) Вот папа в Карловых Варах на фоне Карловых Вар. Вот они на Валааме, вот на Дворцовой площади в Ленинграде, вот в Карпатах с огромными рюкзаками.

Вечером мы сидели во дворе под большим орехом. Наша юная тетя, бабушкина младшая дочь Линочка, готовилась поступать в институт, исписывая химическими формулами и уравнениями десятки блокнотов. А мы с бабушкой, с Таней, моей младшей сестрой, глядели в небо и, как велела бабушка, загадывали желания. Был август, и, оставляя за собой легкий, быстро исчезающий след, падали персеиды. Я знала, что загадала бабушка, она подумала о том, чтобы наша Линочка поступила в институт. Я знала, что загадала Танька: она хотела котенка, велосипед и бросить музыкальную школу. А я, робко провожая взглядом падающую звезду, прошептала:

– Я хочу путешествовать... Я бы хотела поехать... Поехать... Для начала я бы хотела поехать...

Вдохновленная пряным зовущим запахом нездешнего растения, удивительным сюрпризом моих родителей, которые были счастливы в своем путешествии и захотели разделить эту радость с нами... Под впечатлением недавно в утешительной посылке (их родители посылали нам часто, с книгами и конфетами, чтобы скрасить разлуку) присланных мамой и уже прочитанных книг – «Мария Стюарт» Стефана Цвейга и «Мифов Британии», самых притягательных для девочки-подростка историй о Тристане и Изольде, о рыцарях Круглого стола и короле Артуре, о Робин Гуде – я загадала... Даже, кажется, совершенно неожиданно для себя очень потаенное, очень сокровенное (тайну нужно открывать тихим голосом) я прошептала туда, к звездам:

– Я хочу побываааать... На... В... В Британии! Я хочу поехать в Британию! И не один раз! – повторила я шепотом в небо. («И... не один... раз», – кто-то деловито повторил за мной, занося мое желание в список всех, кто смотрел в эту ночь в небо.) Моя персеида, перечеркнув небо, немного повисев над нашим двором, мигнула и медленно, как бы нехотя, утонула за горизонтом.

Для осуществления мечты надо не только наблюдать падающие звезды, но и самому не плошать. То есть если ты хочешь в Британию, надо как минимум, приближая время отлета твоего самолета в Лондон, коротать жизнь, изучая язык страны.

Преподавание иностранных языков в школе оставляло желать лучшего.

Французский преподавал интеллигентнейший, умнейший Натан Самойлович Пикман. Являясь во многом примером для мужчин нашего маленького города, он приподымал шляпу, когда здоровался, хамоватые продавщицы молочной колбасы и карамелек «Раковые шейки» робели в ответ на его «Будьте любезны...», учеников, независимо от возраста, он называл на «вы», у него был очень четкий график жизни, маниакальная пунктуальность, безупречный вкус, блестящее знание французского языка, всегда начищенная обувь и выглаженная одежда, зонтик был сложен складочка к складочке, он был вдовцом и воспитывал своего сына Фиму сам.

Хочется думать, что Вы, Натан Самойлович, живы и здоровы. И что сын Ваш, Фима, который подавал такие надежды, вырос порядочным, умным, благородным человеком. Похожем во всем на своего отца. Мы помним Вас, Натан Самойлович. Nous vous rappelons, notre cher professeur.

Но. Кому нужен был тогда французский язык? Ну да, тому, кто слушал Эдит Пиаф, Шарля Азнавура, Жильбера Беко. Кто рассматривал книжки Жана Эффеля, моего доброго друга, который скрашивал мое одиночество во время частых ангин. Французский интересовал тех, кто читал мудрую правдивую сказку «Маленький принц». Таких – увы – было не очень много.

Вот, скажем, Байбаки и их компания. Нет, они явно не из таких. Они ходили в школу получать удовольствие. Дома – их было, что ли, семь мальчиков в семье или больше, – дома было полно работы, а вот в школе можно было развлекаться – дразнить и обзывать Дарину,

техничку, а потом от нее удирать и петлять, стараясь не попасть под ловко выброшенную, как лассо, грязную половую тряпку из тяжелой мешковины. И еще изводить Натана Сэмэновича, как месье Пикмана называли в школе. Он ведь был такой доверчивый – просто ужас. Байбак подпирал ухо спичкой со стороны затылка, ухо торчало, краснело от непривычного положения, Байбак кривил морду, поднимал руку и, ухмыляясь, говорил: «Натан Сэмэнович, опядь ухо болыдь од вашойи французькойи мовы».

Натан Самойлович отпускал Байбака с урока, и тот шел обзывать Дарину. Однажды во время урока французского такие же прогульщики, как Байбак, но из старших классов, затащили Байбака в спортзал, вдели его ноги в спортивные кольца и подтянули их к потолку. А сами ушли. И на призыв о помощи в спортзал пришла уборщица Дарина.

– Ага, – кивнула головой Дарина. И отвязала от шведской стенки специальную веревку, которая поддерживала кольца.

Ничего, Байбак выжил, правда, отбил чуть-чуть пятую точку. Но у Натана Самойловича были неприятности – его журили за то, что он отпустил ученика со своего урока. И тот подрался в спортзале с уборщицей. И Натан Самойлович перестал отпускать Байбаков из класса.

А тогда эта изобретательная продувная братия придумала новое развлечение – они после уроков шли к дому Натана Самойловича и стояли у него под окном. Просто стояли неподалеку. И смотрели в окна. И так неделями. Месяцами. В любую погоду. Все лучше, чем у отца в столярной мастерской подносить, подметать, мыть.

А матери говорили, что ходят на французский. И вся школа потешалась. Все, кто не слушал Жильбера Беко и Азнавура, потешались. А таких было достаточно. Многие заходили посмотреть, как Байбаки стоят у Пикманов под окнами. И смотрят. И как Пикманы, интеллигентный Натан Самойлович и его сын Фима, мелькают нервно за занавеской. Пару раз Пикман выходил во двор спросить, чего они хотят. Байбаки пожимали плечами: «Та нее, та ничоооо». Но на вопрос, что же вы тут стоите, Байбаки отвечали: «Так а шо? А шо, мы разве ж вам мешаем? Мы ж не хулюганим, не стучим у двери до вас, не кричим ничо, мы тут просто стоим, мы тут ждем. Одного дядьку ждем...»

Не знаю, может быть, что и это странное, необъяснимое для нормальных людей поведение Байбаков послужило катализатором быстрого отъезда Натана Самойловича и его сына Фимы в страну, куда их давно звали, где их ждали и где в таких безобразных случаях, как вышеописанный, можно было искать (и получить) защиты у полиции.

Мои родители страшно жалели об отъезде Натана Самойловича и его сына Фимы, мы с мамой и сестрой всплакнули. После отъезда Пикманов преподавание французского в школе отменили.

Pardonnez-nous, monsieur Peakman. Pardonnez-nous.

Немецкий язык у нас был страшно непопулярен. Но тут в город прислали какую-то активную даму поднимать профсоюзы, улучшать качество их деятельности, наших трейд-юнионов. И у дамы оказался муж, Гарри Михайлович. Прекрасный. Нет, это не фамилия... Он был действительно прекрасен – играл на аккордеоне, был хотя и грузный, но веселый и обаятельный, ходил в костюме и кедах, немецкого языка ни черта не знал (потом выяснилось, что то, чему он так уверенно учил нас, был натуральный идиш. А я-то думаю, ну что такое знакомое. И не только я. Но и Нюмка Липис, и Люба Якир, и Фимка Ройзман думали: надо же, какой знакомый язык. Вот теперь я пойму, думали они, о чем дедушка и бабушка секретничают на кухне). А немецкий у нас в городке не знал никто, и по требованию профсоюзной дамы Гарри Михайловича взяли к нам его преподавать.

Но недолго дойч был в расписании школы. До тех пор пока на школьном концерте хор мальчишек не исполнил песню «Лесной орех». Естественно, на немецком. На настоящем что

ни на есть немецком языке. (Видимо, тут он поднапрягся, наш Гарри Михайлович, и выучил два куплета, а может, это глубинная память.) Словом, Гарри Михайлович аккомпанировал на аккордеоне, а хор пел на немецком марш «Лесной орех», бойко запевая в куплете: «О, ларИ-ларИ-ларИ-ларИ-ла! Ух-ха-ха-хА!»

Даже у меня, никогда вживую не слышавшей нацистские марши, вдруг пробежал холодок по коже... А уж те обкомовские бонзы, которые у нас присутствовали, они сразу распознали в недалеком, легкомысленном Гарри Михайловиче врага народа, но, к его счастью, уже были новые времена, и они просто уволили его. На этом немецкий язык в нашей школе тоже прекратил свое существование.

Ну вот я и подобралась к английскому. До маминого прихода в школу английский преподавала Изольда Леонидовна.

Директриса была в школе ну совершеннейший монстр и чудовище. Без всякого преувеличения. Вообще, ее мозги жили не с ней – они отчаялись, не захотели, капитулировали и бежали. Далеко. Ее потом сняли без объяснений и объявления войны, но она повоевала и осталась в школе преподавать историю. И все мы у нее были вот где! (Тут кулак поднять повыше и посильнее сжать.) Директриса эта вызвала мою маму, хмуро оглядела ее сверху вниз, снизу вверх, мою маму, на тот период уже круглую сироту со мной годовалой на руках и мужем-студентом, брезгливо хмыкнула и сказала:

– Что ж это вы ото все время в одном и том же платье ходите? Вы же ж учительница. Вот до вас работала Изольда Леонидовна, как она шикарно одевалась. И какая у нее была обувь, и такие у нее были воротники: лиса-чернобурка, норка... А блузы! А броши! А вы?! Вам не стыдно, что ли, совсем?!

Сейчас трудно поверить, что это могла сказать директор школы.

Или не очень трудно поверить?

Но, как оказалось, достоинство Изольды было только в том, что она действительно красиво одевалась, дарила директрисе подарки и муж ее был секретарем райкома партии. По идеологии. Ну и все. Английский язык не был сильной стороной Изольды Леонидовны. Уроки она проводила кое-как, не торопясь, не суетясь. И не готовясь. Изольда входила, долго, любуясь собой, стояла у доски и ждала тишины, потом кивком головы сажала класс и сама уютно усаживалась, удобно вытянув и сложив под столом ноги в красивой обуви, и делала переключку. Затем вставала из-за учительского стола и морозом-Воеводой начинала свой путь по проходам между парт, проверяя домашнее задание. Она наклонялась над каждой партой, смотрела упражнение, заданное домой, и каждому – каждому! – говорила загадочное слово. Их в ее словаре было два. Одним она говорила: «Карэт». И эти счастливицы могли рассчитывать на пятерку по английскому языку, а другим: «Нотсакарэт» – тут могла быть четверка или тройка. Двоек Изольда не ставила из-за собственной лени и равнодушия – не хотела конфликтов, дополнительных занятий и прочей суеты.

Это уже маме рассказали ученицы старших классов. Я помню еще, как наша соседка Лариса говорила, ай, можно не учить, да что там учить в том английском: мазе-фазе-шисте-бразе. От и все. Что это были за странные слова – «карэт» и «нотсакарэт» – никто не мог постичь. Мама тоже пожимала плечами, хотя окончила университет с красным дипломом. Искали в словарях, спрашивали у знатоков – таких удивительных слов в английском языке не было.

И только спустя много времени мы с мамой вдруг поняли, какой глубоко безграмотной была Изольда. Если упражнение, на ее взгляд, было написано правильно, она произносила слово «карэт». Что в ее английском означало «correct», являлось прилагательным и означало «правильный». А уж если, по ее представлениям, упражнение было написано неправильно или там были ошибки, она произносила слово «нотсакарэт», что в ее английском означало

«не так уж и правильно» и, как мы догадались, было абсолютно неверным набором слов «not so correct».

Но и это еще не все. Одна хитрая ученица, Олька Крояло, не утруждая себя упражнениями по иностранному языку – она была спортсменкой, и ей все сходило с рук, – просто переворачивала вверх ногами тетрадь по русскому языку и равнодушно подсовывала ее под нос нарядной учительнице. И всегда получала оценку «карэт».

Так что маме моей пришлось поднимать целину. Это было и очень интересно, но и сложно – обучать иностранному языку в то странное время. Прививать любовь не только к языку, но и к странам этого языка, и к носителям этого языка, которые в то время находились за железным занавесом и являлись нашими идеологическими противниками.

Ну, и я, конечно, отличилась именно по этой статье. Но об этом чуть позже.

Как будто в поощрение за осознание моих целей, за четкую формулировку моей мечты жизнь стала одаривать меня событиями и знаками. Знаками и событиями. Ну, например, через пару дней после ночи падающих звезд, 1 сентября нас с сестрой нарядили в белые фартуки и капроновые банты; мы пришли на унылую, из года в год повторяющуюся по одному и тому же сценарию линейку, и замдиректора школы по воспитательной работе, кивая головой при каждом слове, громко объявила в микрофон:

– Та-аржествен-ну-ю! линейку! посвященную началу учебного года... *разрешать! начинаю!*

Все ухмыльнулись, а я вдруг расценила это как знак. Нет, это я не сейчас так думаю. Это я тогда поняла вдруг – это знак. Жизнь начала мне *разрешать*.

Вообще-то жизнь снаружи, за окнами нашего дома, была ужасно серьезная. Это был такой период, когда наша учительница Любовь Пантелеевна наобещала нам коммунизм через пару лет, и шутить было совсем некогда. Надо было построиться и идти по направлению, указанному канонической бронзовой рукой. Я это свое время помню вот так: утром я строилась и шла. Даже если одна, все равно уныло гребла строем. И так эта жизнь шла вразрез той, которая была у нас дома. Нет, ничего особенного, ничего уж такого диссидентского у нас дома не происходило. Ну, слушали родители «голоса». Как и все порядочные люди в то время. Ну, побывали за границей. Ну, письма и посылки стали получать из-за рубежа. Ну, вызвали маму как неблагонадежную в одну контору и там, поддавшись ее обаянию, надарили английских и американских журналов, отобранных у туристов на границе. (Какие загадочные были эти журналы. Иногда невозможно было понять по картинке, что именно она рекламирует. Женщины поймут, да.) Но мама тогда категорично отказалась забегать за новыми журналами или позвонить иногда, *если что*. Ссылаясь на двоих детей, работу в обычной школе, вечерней школе, участие в танцевальном коллективе учителей «Современник» и проверку тетрадей по ночам.

– Тогда, – обиделись в конторе, – мы вам больше не дадим никаких журналов.

– Хм, – мама пожала плечиком, – ну и не надо.

– Ну вот и идите, – окончательно обиделись в конторе.

– Ну и пойду! – И мама ушла.

На тот момент она выписывала по почте польский журнал «Мозаика» на английском языке и англоязычный вариант газеты «Московские новости». Для моего обучения этого пока было достаточно. И потом к нам приходили и приезжали гости со всех концов света – мамыны и папины друзья, ученики, бывшие однокурсники, родственники. И всегда привозили в подарок книги и журналы, на русском и обязательно на английском. У нас дома, в отличие от серьезной жизни за окном, много разговаривали и смеялись. Мы с сестрой прижимались к стенам и становились прозрачными и невидимыми, когда у взрослых за столом

заходил какой-то разговор. Но мама была бдительна, гнала нас к себе, и только из своей комнаты мы иногда слышали смех и необычную, часто заграничную музыку.

У нас, конечно, были какие-то запреты, но не очень строгие. Например, дома можно было померить шелковый нашейный платок с фотографиями четырех длинноволосых парней, послушать пластинку с их песнями. Но одолжить пластинки друзьям на время или, не дай бог, надеть платок с парнями, чтобы выйти на улицу, – нельзя. Можно было читать абсолютно все, до чего долезешь в книжном шкафу, но нельзя лежать и ночью.

Английский язык становился все более популярным в нашей школе. Мама же была загадкой для всех. Старшеклассники часто подходили ко мне и спрашивали:

– Это ты дочка англичанки? А сколько ей лет?

И на протяжении лет пяти или шести я отвечала:

– Двадцать девять.

Однажды десятиклассник Йося Фелик долго кружил у двери нашего класса, потом заглянул и, подзывая корявым указательным пальцем, мотнул мне лохматой головой:

– Эй, малая, ты, ты! Выдь в коридор! Шо-то спрошу. Слышь, это твоя мать англиш у нас ведет, твоя? Ух тыыы... Па-вез-лооо тебе. А она англичанка, не? А ты была в англичании?

Благодаря маминому авторитету и популярности предмета, который она преподавала, меня частенько пропускали через «заборную команду», как называл папа дежурных у входной двери в школу.

Если вдруг ты опаздывал, приходил или со звонком, или после звонка, тебя выхватывала дежурная команда и волокла на общешкольную линейку. И там тебя страшно, изощренно унижали, выставив в центре как недостойный пример поведения. Некоторые переносили это спокойно, даже специально опаздывали, чтобы побыть в центре внимания, чтобы покривляться и чтобы вся школа смеялась, а завуч по воспитательной работе и пионервожатая от ярости краснели и орали в два голоса. А мне как-то было не по себе, что вот я такая маленькая, любимая дедушкина внучка, мамина и папина гордость – иногда, когда послушная, – буду стоять на виду у всех и все будут шептаться, что я дочка англичанки. И моей маме будет стыдно.

К двенадцати годам моя популярность в школе стала просто зашкаливать и даже затмила мамину. Дома как упражнение по аудированию я слушала «Битлз» и по маминому заданию должна была записывать слова. Мои упражнения не остались домашним секретом. Я сказала подружке, подружка – другой подружке, та – брату, брат – друзьям. Меня уважительно отводили в сторону в школьном дворе, когда мы с девочками играли на перемене в классики, солидные толстые и лохматые по тогдашней моде музыканты ждали меня с уроков у школьных ворот, меня отлавливали в городе, догоняли на мотоцикле:

– Это *вы* умеете записывать английские песни? – спрашивали почтительно.

Меня приглашали в лаборантскую физкабинета (наш физик Лев Алексеевич был флагом свободы и новой мысли среди молодежи нашего города, его обожали просто, все обожали). Меня усаживали перед магнитофоном с пластмассовыми бобинами и просили переписать слова песни, записанной вот только сегодня ночью с радио «Свобода» или *BBC*.

– Только русскими буквами, – заискивающе просили они.

Ох, сколько мы с сестрой тогда шоколаду съели, чуть диатезом не заболели!

У мамы, конечно, были неприятности. Во-первых, от моего нелегитимного участия в растлении советской молодежи западной музыкой. А во-вторых, не забывают, мама моя была красива, стройна, умна, весела и загадочна. И ее часто встречал с работы папа – белоzubый кучерявый спортсмен с атлетической фигурой. Ну кому же это понравится?

Ну дальше, если коротко, то по окончании школы, когда я уже догрызала школьную науку на предмет успешной сдачи экзаменов, на меня накатали анонимку, чудовищную и

лживую по содержанию, хитроумную и изобретательную по форме. И по этому поводу мне не дали золотой медали.

Пришлось сдавать в университет все четыре экзамена. Как помню сейчас, на экзамене по истории мне попался вопрос «Революционная ситуация». И это опять был знак. Вся моя жизнь с тех пор состояла из революционных ситуаций.

Экзамены я сдала успешно, правда, мама немного подсуежилась и своим бывшим однокурсницам ткнула в меня пальцем, мол, вот эта – давайте, принимайте ее, девчонки, и проследите за ней, а то ее может унести в другую сторону, потому что она, как Мэри Поппинс, мотается по жизни за свежим ветром.

В университете хорошие люди меня сразу втянули в деятельность интерклуба (обязательно надо следить за звездами в августе, очень всем советую, эти персеиды слов на ветер не бросают, пообещали – делают, проверено). Ну, и я стала кататься по всему Советскому Союзу.

Какие были у нас замечательные интерклубовцы! Атмосфера свободы и интернациональной дружбы всех со всеми сыграли свою роль в воспитании студентов, моих товарищей по вечерним посиделкам с шипучкой яблочной и пирожным миндальным «Черновчанка ореховая двойная» из буфета Дома офицеров. Ах, разумница и талантище Женя Гельман, ходячая энциклопедия, элегантный, французистый Саша Шапочник, лунолика красавица с мерцающей жемчужной улыбкой Шурка Каменецкая, душа-человек веселый Левушка Садовник... Светлые удалые головы, прекрасные люди. Почти все после окончания университета и прощального вечера в клубе интернациональной дружбы уехали кто в Израиль, кто в Штаты, кто в Германию, что было после такой общественной работы закономерно и естественно. Остались только Зинченко Ира и Саша, Аллочка Литвиненко и я. И все мы по мере сил старались крепить дружбу с прогрессивной молодежью других стран, как учил нас наш веселый, свободолюбивый и дружественный интерклуб. Саша стал одним из самых активных апологетов западной жизни и участников оранжевой революции, Ирочка из телевизора в своей авторской передаче «Викэнд» рассказывала украинцам, чему нам можно научиться на другом полушарии нашей планеты. Аллочка вслед за Ирой в своей турфирме готовила и оформляла желающим туда съездить экскурсии и туры, а я, поездив по свету, сижу сейчас у своего компьютера и пишу эту книжку. То есть все в границах интересов выпустившего нас в мир клуба интернациональной дружбы нашего университета.

Как бы ты ни учился, как бы ни лез из шкуры вон, если ты окончил иняз провинциального университета и твои родители отнюдь не дипломаты, а всего лишь пусть и блистательные, но обычные учителя, твоя карьера вряд ли будет декорирована золочеными куполами и музейными драгоценностями, от блеска которых заграничные миллионерши с фарфоровыми улыбками и серебристо-голубыми прическами валятся в обморок. Я все-таки думаю, что не от зависти или восхищения, а есть в этих камнях что-то мистическое, что кружит людям головы. Да так, что при палатах столичных, где выставлены на обозрение бриллианты и прочие царские драгоценности, в штате сотрудников есть врач с открытой ампулой нашатыря наготове.

Мои однокурсники, то есть в основном однокурсницы, стали опорой нашего образования. Но у меня дома был пример горького опыта, когда собственные дети воспитываются на стихийно выковырянной с верхних полок книжного шкафа литературе, а их родители занимаются чужими детьми. Детьми, которые постепенно становятся своими. И не всегда уловишь момент, когда какой-нибудь одинокий, затурканный, но добрый, умелый и рукастый мальчик Дима Скакун, еще маленький, но уже похожий на уставшего натруженного дядьку, когда ты возвращаешься из музыкальной школы, уже сидит на вашей кухне на твоём законном месте, с аппетитом хрустит жареную картошку с соленым огурцом, приготовленную мамой для тебя, пьет чай, мама отдает ему оставленную для тебя большую конфету «Гулли-

вер», а потом он никак не уходит, сидит у тебя в комнате, не может оторваться от подаренных тебе мамой четырех томов рисунков Бидструпа и видно, что ему уютно и непривычно хорошо у вас дома.

Нет, в учителя – нет. С провинциальной своей наивностью я сунулась в Интурист. И как говорят, попала.

Кто-то, а именно друг Харламий в своей статье сообщил миру, что Гончарова – мастер спонтанных реакций. Мастер международного класса. Правильно он сказал, я даже не отрицаю. Потому что быть мастером международного класса по спонтанной реакции – это не талант. Это несчастье.

Ну вот, пришла я в Интурист, между прочим, пришла по объявлению, но – подчеркиваю – пришла после обеда, в пятницу и в августе, когда все успешные сотрудники Интуриста уже разъехались в якобы служебные командировки, а на самом деле славно отдыхали за границей за счет взносов рядовых комсомольцев, в том числе и взносов мастера спонтанных реакций. А уж неудачники, те, кто остался, чувствовали себя ущемленными и отыгрывались на редких посетителях, в основном комсомольцах, которых за ратный труд наградили путевками за границу.

Все кабинеты были или заперты, или совершенно пусты. Голые столы, отсутствие стульев. Компьютеров тогда не было. Тогда были огромные ЭВМ. Но ЭВМ в Интуристе комсомольском по имени «Спутник» не было. Потому что там не было специалистов по ЭВМ. Ну и потом, им площадь не позволяла. И в конце концов, зачем им, комсомольцам, ЭВМ?

Однажды я видела ЭВМ. Колоссально, не представляла себе, как это на ней, такой фантастической, работать вообще. Она, ЭВМ, стояла в бывшей студенческой церкви на территории нашего университета. Сейчас-то там опять церковь, ее отреставрировали, и студенты, прежде чем развестись через месяц, наряжаются в белое и черное, и бегут туда венчаться, и там же устраивают фотосессию, потому что рядом с этой церковью очень красивые виды: старинный университет, восхитительная архитектура Иосифа Главки и пробегающие мимо преподаватели кафедры теологии. Кстати, многие туда перебрались с кафедры научного атеизма. А один – вообще, как по жизни мечется, вот уж кого ветер перемен заносит, не позавидуешь, – значит, когда я училась еще на инязе, он пришел в университет, и все его повсюду пропагандировали, тягали то на телевидение, то на радио, потому что он был поп-расстрига. И он везде кричал, что Бога нет. Рыжий такой, коротенький, деловитый и хитрющий.

(Сейчас он ведущий преподаватель факультета теологии, когда я узнала – плакала от восторга, какие удобные переплеты парень себе в жизни устроил.)

Ну, вернемся в «Спутник». Одна дверь была полуоткрыта. И в кабинете, развалившись, полулежа за письменным столом, вещал перезревший комсомолец. Сначала я думала, что он репетирует какую-то речь. Он скучно бубонел, постукивая карандашиком в такт:

- ...нож в правой руке, вилка в левой...
- ...на вопросы иностранцев не отвечать...
- ...на провокации не поддаваться...

Я в бешеном восторге от увиденного заглянула в комнату не только глазами, но и всей головой, довольно миловидной, как считали в моей молодости многие. Оказалось, что комсомолец проводил инструктаж. Напротив сидел смущенный мальчик с белесыми, выгоревшими волосами, мальчик-дядька. Мальчик-дядька в трогательно выглаженной рубашечке, сам щуплый, сидел на краешке стула и не знал, куда девать большущие руки.

– Амха... умху... – кивал мальчик-дядька, уставший от жары и непривычной обстановки.

Ну что сказать, опытные профессиональные комсомольцы – это особая порода людей. Их видно, например, как видно учителей. Вот идешь ты по рынку, например. И купила (я пишу «купила», потому что очень часто думаю, что любая моя книга – письмо одному чело-

веку, такой образ собирательный – наполовину из женщин, наполовину из мужчин. И когда я думаю, что меня женщина лучше поймет, я обращаюсь то к своим сестрам, то к подруге Юле или к Ленке, то к маме моей Нине Никифоровне, то к моим детям Лине и Ирочке.)... и купила, например, своему сыну маленькому свистульку. Туда, значит, наливаешь воды – опять же, специально купила в киоске минералки, чтоб ребенку радость сразу, – и свистулька поет, как птичка, нежно и с переливами: трлрлр-трл-трлрлрлрлр...

А рядом стоят и покупают, например, персики, две тё... же... дамы. Уверенные, суровые... А твой мальчик, значит: трлрлрлрлрлр... трлрлрлрлрлр... утрлрлрлрлрлр!!!

И одна из тё... же... дам, не стесняясь, громко: «Прекрати немедленно! (А твой мальчик продолжает. Он еще маленький и не привык, что незнакомая тё... же... дама может на него кричать. Тем более они друг другу не представлены. Алиса, это пудинг...) Я тебе говорю!» – супит брови и тоном выше тё... же... дама.

И твой ребенок испуганно, ошалело, задрал голову, смотрит на тё... же... даму, и у него уже кривятся губы, и глаза наполняются слезами. А ты, если сообразительная, сразу успокой мальчика, скажи ему: не бойся, это не бабайка. Это всего лишь учительница. Профессионально нетерпимая. К шуму, проказам. К детям всех возрастов. Это всего лишь учительница – скажи своему мальчику. И попадешь в десятку.

А комсомольцы – наоборот. Они профессионально активные, профессионально-веселые, профессионально-энергичные, они ведут себя так, как будто вокруг пионеры, а они – старшие пионервожатые и надо быстро что-нибудь организовать. И при этом параллельно, чтобы парочка девушек хорошеньких – и выпить. И чтоб песни: Забота наша такая, забота наша простая, жила бы страна родная, и нету других забот...

(Меня повергала в ужас эта песня, всегда... Потому что у меня лично кроме благополучия страны было полно всяких мелких забот. И как-то я дошла своим умом, что «страна родная» – это и есть старшие пионервожатые и более старшие их товарищи. И несколько меня удручало, почему я должна заботиться об этих вот профессиональных комсомольцах и коммунистах, они ведь не инвалиды. А я не юный тимуровец.)

Словом, профессиональные комсомольцы, каким и являлся Чесноков Геннадий Павлович, истязавший сейчас ударника комбайнера Диму, был еще тот овощ.

И когда я всунулась сначала глазами, а потом всей довольно миловидной лохматой головой, а потом всей фигурой в потрепанных джинсах и полосатой майке, комсомолец Чесноков взбодрился – он уже заскучал в жаре и неволе – и с профессиональным блеском и задором в глазах обратился ко мне.

– Куда едешь? – указав на меня лицом, поправляя галстук и приглаживая жиденький кустик над низким лбом, по-свойски, без церемоний поинтересовался Чесноков, предполагая, что я сейчас тоже сяду на краешек стула и он, любуясь собой, начнет учить давать гневный отпор империалистам на тот случай, если какой-нибудь империалист, или сионист, или буржуазный националист случайно подмигнет мне на предмет вербовки меня в шпионы. Где-нибудь в Болгарии на пляже.

– Никуда... – растерялась я, – я по объявлению... Вот... – и протянула Чеснокову газету «Молодой буковинец».

– А-а-а-а... Вы – Люба... Ааа! Да-да! От Евгениваныча...

– Нет, я не Люба... Я... Я... – И застыла перед столом Чеснокова – он, кстати, не предложил мне сесть и сам не встал – крррасавчик! – и я почувствовала себя как тот мальчик с птичкой-дудочкой на рынке...

А Чесноков, опершись ладонями о стол, как будто собирался подняться, выставил локти и, набычившись, запричитал:

– Она пришлаааа! По объявлеееению! Да ты кто такая?!

Между прочим, я именно тогда поняла, кто такие комсомольцы, когда увидела, как быстро его подобострастная блудливая улыбка сменилась на выражение превосходства на лисьей чесночной морде.

– Да ты знаешь, какое чистиииилище надо пройти, чтобы сюда поааааасть?! Да ты знаешь, КОГО мы уже сюда не взяааали?! Да ты знаешь, чьиих детей мы не взяааали?! Смотри, в каком виде она в обком пришлаааааа!

Он получал обалденное, могучее удовольствие, этот Чесноков, когда вот это все верещал, ужасно плевал. Брызги летели во все стороны. И мы с мальчиком-дядькой все время утирились. Это была пытка. Комсомольская пытка.

Короче, я вылетела оттуда пулей, а вслед мне полетело:

– Наглая самозванка!

В детстве я прочла книгу про уникальные исторические места в Великобритании. И там было написано, что в Ланкашире в часовне в Гамильтоне самое длинное эхо в мире. Оно длится 15 секунд. И если тебе, такой юной и хорошенькой, такой милой, прелестной, неглупой девочке вдруг скажет там кто-нибудь: «Я люблю вас, Маруся», – то еще пятнадцать секунд ты будешь слышать: «Люблю вас, Маруууся, лю... вас, вас, вас, только вас... Марууууся... вас... Маруууууся... Маруууууся... Маруууууся...»

Оказалось, на лестничном марше обкома комсомола эхо было еще длиннее. Мне казалось, что, пока я бежала по ступенькам, со второго этажа старинного австрийского особняка мне в спину било: «Наглая! Наглая! Самозванка! Самозванка! Самозванка!!!»

Я как-то растерянно металась по двору в поисках какого-нибудь темного угла на предмет забиться туда и поплакать. Это сейчас я научилась давать отпор таким вот неудачникам, которые за мой счет отрывались на полную катушку, а тогда-то я была абсолютно открыта и беззащитна. Следом за мной выскочил мальчик-дядька, и очнувшись я только от его вопроса: «Тебя куда везти?»

Оказалось, что я сижу в уазике, и мальчик-дядька за рулем, и мы куда-то едем. И этот мальчик-дядька протягивает мне назад конфету «Гулливер», яблоко желтое и помидор. А такой помидор, как будто в нем внутренность не поместилась, как будто толстая купчиха в тесном платье. И мальчик-дядька сказал: «Это называется «бычье сердце», этот помидор. Очень вкусный. Ешь».

И я укусила этот сахарный, упитанный, нежно-розовый, весь в толстых складках, ломкий большой помидор и в него заплакала. А мальчик-дядька просто вел машину и молчал. А потом я съела яблоко, сладкое и с шершавой кожицей. И продолжала реветь. И потом посмотрела на мальчика-дядьку за рулем и спросила: «Конфету будешь?» И мальчик-дядька сказал: «Ну, отломай кусок».

Мы съели «Гулливер», и мальчик-дядька сказал: «Щас заберем Васильвасилича, Маня... Не реви».

– А ты кто? – спросила я.

– А я у твоей мамы учился, – ответил мальчик-дядька, – ты меня не помнишь? Ну да... Ты ж бегала куда-то все время. Я один раз в прорубь провалился и у вас потом на кухне жареную картошку ел.

– С огурцом?

– Ну да, с соленым огурцом. А потом книжку большую смотрел с картинками.

– Бидstrup, ага... У нас дома все мамыны ученики любили эти книжки смотреть.

– Так я Дима Скаун. А ты – Манечка. Ты ж этих переводила, ну, где Естудэй...

– «Битлз»...

– Ага, «Битлз», да. «Биииитлз»...

Мы подъехали к областному сельхозуправлению, и к машине быстрым шагом пошел знакомый моих родителей, Васильвасилич Тригор. И Димка сказал, ну ладно, он тебе все

устроит, наш Васильвасилич, ты ему Расскажи, как и что, я пошел. Давай. Он вышел из машины, и на его место сел Васильвасилич и сказал мне, о привет, как мама-папа. И я стала рассказывать, аж захлебываться, и снова реветь, и не посмотрела, куда пошел Дима, а когда посмотрела в окошко и оглянулась, выворачивая шею в заднее стекло, то Димы уже не было, он куда-то ушел.

– Ты вот что... – сказал Васильвасилич, – приезжай завтра в управление, для начала переведешь письмецо одно, мы тут один договор подписали...

Эй, Дима, странно, да? Но с тех пор я вообще тебя не видела и не встречала. Думаю, тут не обошлось без моих персеидов.

Там было так: ну, допустим, совещание там у них. И одна, искренняя такая, горячая звездочка всем, мол, что ж такое, мы же обещали, она же загадала, мы что, совсем уже ничего не стоим? Тогда зачем все? Зачем, я спрашиваю, тогда все это: август, звездное небо, мы падаем как сумасшедшие, рискуем, зачем тогда? Это что, шоу?! Что мы все упрощаем?! Она ведь уже вышла из дому в своих трепаных штанах и направилась в «Спутник», а там этот, Чесноков... У нее же душа сейчас споткнется, разочаруется напрочь. Во всем. А главное, в нас! И кому мы будем падать в августе? А там и леониды тоже в ноябре... Они услышат, что такое происходит, тоже расслабятся, подумают, ай, можно и через раз мечту сбывать... Раз персеиды себе такое позволяют...

– Ну хорошо, ты не кипятись, пожалуйста, – сказал главный по персеидам, такой симпатичный, невысокий, в очках, в светлом пиджаке, – как мы можем спасти положение? Предлагайте.

И она, эта МОЯ звездочка, молодая, задорная, дерзкая такая, тоже в очках, наверное, говорит: ну что, придется туда кого-нибудь послать...

– Диму давайте... Диму Скакуна пошлем. Он все устроит ей. Тем более он ее знает и помнит.

– Але, Дима? Привет. Что делаешь? Хлеб убираешь? Аааа... Заканчиваешь? Ну, молодец. Выручить можешь? А ну-ка, давай ноги в руки – и в «Спутник». Какой-какой... Обком комсомола знаешь? По дороге объясню. Туда девчонка одна идет...

Вот так и началась моя странная полукочевая жизнь толмача.

Через месяц я выехала в Москву за первой своей британской группой из «Young Farmers Organization».

Они у нас

Страсти по Изауре

Совершенно неожиданные вопросы задавали гостям на встречах с тружениками и общественностью. Например, смотрели ли британцы «Рабыню Изауру». И если в Британии этот фильм прошел раньше, то как там все было дальше?

А эту рабыню, честную угнетенную девушку, как говорят очевидцы, то есть верные телезрители, весь фильм выкупают из рабства. И бумага есть, но ее все время какие-то злобные бразильцы перекалывают из ящика в ящик, прячут. И был случай, когда Изаура эту бумагу искала, одна телезрительница шестидесятилетняя, ну просто на полном серьезе, грызя ногти нервно, стала подсказывать азартно девочке-актрисе в телевизоре, он там ищи, у в тому ящичку, шо справа вверху, ой, мамочки, та де ж ты ищешь, от ты ж дура, так и останисся у рабства, ищет она, тьфу!.. И давай капли пить успокоительные.

Нет, на самом деле, это ж ополоуметь можно – она потом по ящичкам лазала еще несколько серий. И главное, весь Советский Союз знал, где, в каком ящичке лежит откупная. И готов был подсказать бедной девушке, спасти ее от эксплуататоров, а может, даже выкупить ее, привезти на самолете в СССР и пригласить в Кремль и в Артек. Но Бразилия на письма возмущенных советских телезрителей не отвечала, а нагнетала обстановку вокруг бедной честной красавицы Изауры все гуще и гуще.

И вот британскую делегацию на официальной встрече в зале заседаний облисполкома кто-то из чиновников абсолютно серьезно спросил, смотрели ли они фильм «Рабыня Изаура». И в зале стало тихо-тихо. Британцы ошалели прямо: все на них смотрят внимательно, как будто государственный вопрос решается или как будто они сейчас должны ответить, почему они так поздно открыли второй фронт во время Второй мировой. Или должны немедленно ответить, где у них хранятся ядерные боеголовки. И от их ответа будет зависеть, наступят им эти украинцы по башке или нет.

– Нет! Нееееет! – вдруг закричали из задних рядов. – Если плохо заканчивается, – тут тетки аж зажмурились от ужаса, – то лучше пусть не рассказывают!

И тут некоторым гостям даже стыдно тогда стало, что они Изауру в Англии своей не смотрели, так серьезно украинцы относились к этому фильму и с таким укором потом на них косились. От же, фильм у них шел, а они не посмотрели!

– Изаура? А?

– I'm sorry, мы не знаем.

– Как?! А что такое фазенда, знаете? Фазенда, фа-зен-да...

– I'm so sorry...

– А что ж вы смотрите тогда?! – спросили у семьи Сэнсбери за ужином.

– Мы не смотрим Ти Ви, – сгорая от стыда, признались Сэнсбери и потупились, – мы – so sorry, – только слушаем концерты Рахманонофф, Мозаарт, потом еще Тчайковски, потом Глинкэ.

Сори, сори... Ну, дикари, словом, эти англичане оказались.

А тут мы, поскольку, можно сказать, руку на пульсе мировой культуры держим, то и праздничный ужин, куда пригласили семью Сэнсбери – она административный судья города Вустера, он профессор университета, – не послужил препятствием, не помешал во время трапезы смотреть «Изауру», вскрикивать в некоторых местах и плакать, тыкая локтем в рядом сидящих гостей, чтоб они наконец прониклись и разделили общее горе. В этой как раз серии Изаура окончательно понимает, что не видать ей своей свободы, как англичанам сери-

ала. Она полчаса тупо втыкала палец в какую-то бумажку и мечтала, чтобы ей кто-нибудь эту бумажку прочел, потому что она, оказывается, в связи с эксплуатационным бразильским режимом не ходила в школу и не умеет читать. Так вот, все, все женщины за праздничным столом прямо стонали от невозможности прочесть ей это письмо. А это как раз и была та самая вольная, которая отпускала Изауру на свободу. И эта придурочная опять положила бумажку на место в ту же шифлядку. И коварный какой-то Леонсио ее, эту вольную, таки спер...

Ну а мы с англичанами в это время скучали, потому что разговаривать было неловко, все, кто смотрел телевизор, говорили: чшшшш, тихо, щас будет самое интересное...

Джеймс

В последний вечер во время прощального ужина в ресторане отеля «Черемош», где мои британцы останавливались, к ним за столик подсели две девушки. Полненькая и тощенькая. Блондинка и блондинка, но фальшивая. Обе в блестящих крохотных тряпочках и на высоченных котурнах. Как они к нам попали, кто их звал, кто такие, было не совсем ясно, но вообще-то ясно, конечно. Они представлялись то студентками мединститута, то вдруг написались и признались, что они соврали и вообще-то они актрисы... По-английски знали только «о'кэй, о'кэй» и «америкэн бой». Разговаривали громко-громко, сидя там, за столиком, где Джеймс Макдональд и Алекс, руки летали у всех четверых: так они объяснялись друг с другом, мои британцы и эти две лицедейки. Характер деятельности которых, кстати, уже через две минуты после знакомства не вызывал ни у кого сомнения. Алекс смылся быстро. Ну, понятно. Он там в Британии в телекоме работал. Вот интересно, в каждой группе – а группы были все или из организации «Молодые фермеры», или владельцы заводов и фабрик по производству сельхозпродукции, или спонсоры – в каждой группе обязательно был один, самый общительный, самый веселый, самый открытый и самый любопытный – из телекома. И какое отношение имел телеком – то есть телефонная компания – к Ассоциации молодых фермеров, совершенно непонятно было. И все эти телекомовцы хотели все знать, все записывали, фотографировали. Так вот, в этот раз из телекома был Алекс. Потом, как оказалось, две эти липовые студентки провели в номере Джеймса Макдональда веселую ночь, как там уже было, не представляю, но втроем, а утром стащили его сумку и исчезли.

За нами уже приехал автобус, группе ехать во Львов, из Львова уходит поезд в Санкт-Петербург, а оттуда они должны лететь в Манчестер. Все рассчитано с запасом в час. И вот этот весь запас – час до отъезда во Львов, час на обед по дороге, час в Питере, час в аэропорту, – все это время было потрачено на то, чтобы найти сумку Джеймса, где был его паспорт. Подняли на ноги охрану, открыли номер, где вроде поселились девушки, – сумки не было, девушек не было, вещей девушек не было. Потом, слава богу, выяснилось, что паспорт Джеймса оказался в папке с документами у Алекса (который из телекома). Мы плюнули на сумку Джеймса, погрузились в автобус и помчались.

Буквально через две недели девушек нашли.

– У вас есть вопросы? – поинтересовались в милиции.

– Есть, – говорю. – Только не по существу...

– Ну давайте, – неохотно согласился следователь.

– А почему именно Джеймс, девушки? Почему именно он?

Девочки высокомерно меня оглядели, все в блесках, как новогодние елки, и ответили, чтоб я не думала и что они – не такие, ясно вам?! И с кем попало не ходят. А Джеймс, он был... Одна из них мечтательно закатила глаза.

– Знаете, девушки, – теперь моя очередь была закатывать глаза, – у них там не принято такие факты скрывать и делать вид, что ты летчик-космонавт, если ты только из колонии

строгoго режима освободился, – так вот Джеймс, девушки, окончил школу для педагогически отсталых детей со справкой, девушки, потому что в силу своих способностей выпускные тесты, даже облегченные, не сдал. Так что, девушки, он уж точно не физик-ядерщик. У Джеймса ай-кью, если вы знаете, что это такое, девушки, в два раза ниже, чем у колли. Это собака такая. Если вы не знаете, девушки.

А вот, кстати. Мы всем британцам прямо в аэропорту, когда встречали, подарили блокноты для путевых дневников. Блокноты были особенные, с обложками из деревянной пластины с вырезанными гуцульскими узорами. Британцы с удовольствием записывали туда каждый вечер свои приключения у нас. А Джеймс как-то утром чуть ли не в последний день за завтраком подходит ко мне с этим вот блокнотом, абсолютно чистым, без единой записи, и просит смущенно: «Мэриэнн, напиши буквами твоей страны здесь мое имя Джеймс, плиз».

Я взяла его блокнот и на первой страничке написала большими печатными буквами: ДЖЕЙМС.

Он долго восхищенно рассматривал: «Какие красивые буквы... – и потом задал очень характерный для него вопрос: – А как это читается?»

– Короче, – продолжала я, – Джеймс не атомщик, не лорд, не врач, не владелец сети магазинов, не фабрикант, не тайкун (что означает магнат).

Девушки напряглись...

– Джеймс, девушки, пастух. Он нанимается на фермы и пасет овец. Причем он признался, что не хочет идти на более оплачиваемую работу – на стрижку овец, например. Ему и так хорошо. Ну да, в своем деле он – один из лучших по профессии. Лучший на севере Англии пастух. Поэтому его и включили в группу молодых фермеров. (Вообще-то его включили, потому что никто больше ехать не хотел. Боялись люди. Это ведь был 1991 год. Британцы с собой коробки с мылом привезли на подарки, ага. А овец в Британии вообще-то прекрасно пасут черно-белые веселые собаки бодер-колли. Там и пастух не нужен.)

– Дааа, дивки, – посочувствовал начальник охраны отеля, которого тоже пригласили в милицию, – вы поааали...

Девушки надулись, обиделись. Говорят, мол, а Джеймс нам ничего не говорил про это. Он говорил, что он...

– Бонд? – хохотнул начальник охраны. – Джеймс Бонд? Шпион, разведчик, резидент? Или космонавт?

– Нееет, – распустила нюни толстенная, – что он шепард. Ну шепард. Ну, мы думали, это вроде шкипера там что-то или что...

– Шепард, девушки, это и есть пастух, – пожала я плечами и подумала, надо же, какой он, этот Джеймс, искренний, ну даже приврать не смог.

Кстати, в сумке, которую девушки украли у Джеймса, оказалась дешевая «мыльница» – фотоаппарат, сложенный конвертиком подаренный накануне отъезда украинский флаг и блокнотик, в котором была только одна запись. На первой странице моей рукой было выведено: ДЖЕЙМС.

Гуд-бай

А после пошло-поехало – меня пригласили в одну очень богатую агрофирму, там ждали серьезных инвесторов из Великобритании. И генеральный директор Тригор Василь Васильч, который, как вы уже знаете, сыграл ключевую роль в выборе моей профессии, смущенно признался, что в иностранных языках ни бум-бум. Говорит, ты меня научи, что сказать, когда они приедут, и что сказать, когда они будут уезжать. И все. И записал на календаре «Гуд-морнинг» и «Гуд-бай». А потом скептически покачал головой и сказал, что длинно, он

не успеет выучить. Иностраннй язык все-таки. Ну и стал зубрить, аж вспотел. Говорит, а ну, а ну, скажи мне еще раз, значит, вот они прихooодят, а я такой: «Гуд-бааай!!!»

– Ну нет же! – Это я, уже нервничать начиная, мол, может, обойдетесь словами приветствия на родном языке, Василь Василич, ну зачем вам.

Не-не, он отвечает, я предвыборную гонку выиграл, знаешь, сколько я тогда учил для выступлений перед народом, ого! Так что, я сейчас два слова не выучу, что ли... Так, давай чаю выпьем и по-новой будем учить.

Мы пили чай, потом кофе, потом опять чай. Тогда-то я и поняла, что есть люди, у которых напрочь отсутствует способность к изучению иностранных языков. Но не надо забывать, что я выросла в семье педагогов. Тем не менее к вечеру мы оба устали так, как будто весь день копали.

– А ну, а ну, давай сначала! – не унимался Тригор. – Так, давай, будто уже завтра, так.

Мне в его деловой игре была отведена роль инвесторов.

– Ну, заходи! – командовал Тригор.

Я деликатно входила в дверь, послушно выслушивая его режиссерские подсказки: смелей давай входи! Плечи разверни! Гордо давай!

– И улыбайся зубами, ты ж инвестор! – руководил Тригор. – Ну давай, говори свои слова!

Я ему:

– Хау дую ду, мистер Тригор!

И он:

– И тут я навстречу так иду и «гуд-бааай!!!».

– Да не «гуд-бай», – визжала я (ох, как же трудна эта учительская работа), – а «гуд-морнинг»!

– Слушай, – уже совсем стемнело, и Тригор расстроился, – че-то они похожи так, эти слова, может, они и не заметят, что я перепутал? Я сам, например, разницы вообще не вижу. Шо «гудбай», что «гуд» этот самый «морнинг»?

И признавая свое педагогическое бессилие, я поднялась и молча направилась к двери. Ну, чтоб не дать ему по башке.

– Слышь, ты это... – вслед виновато кинул Тригор. – Я еще дома потренируюсь, ты не думай, я завтра как скажу, ого-го...

Утром я встретила инвесторов у отеля, и мы поехали к Василь Василичу. Британцы восхищались погодой, зелеными селами, нарядными дворами, которые мы проезжали. Наконец наш автомобиль завернул в гостеприимно распахнутые ворота агрофирмы «Луч».

Во дворе толпились сотрудники. Секретарша, которая вчера таскала нам чашки с чаем и кофе, быстренько заскочила в здание, и на порог важно вышел Тригор, лихорадочно запихивая в карман пиджака знакомый изрядно замусоленный листочек из настольного календаря.

– Хелло! – поздоровался каждый из инвесторов – их было четверо.

Тригор вылупил глаза и, растерянно бросив нехороший взгляд на меня, мол, а этого слова мы ведь вчера не учили, и пожимая каждому из них руку, натянуто улыбаясь, громко и четко произнес:

– Гуд-бай! Гуд-бай! Гуд-бай!

Прежде чем завести нас в свой кабинет для переговоров, Тригор посмотрел на меня через плечо и хвастливо хмыкнул, ну че, а думала, я не справлюсь. Я ж говорил, не обижайся.

А чего на него обижаться, подумала я, иностранный язык, это каждый сможет, а ты попробуй хлеб посеи, потом его сохрани от дождей, бурь, солнцепека, потом собери без потерь и полстраны накорми... Так что гуд-бай так гуд-бай, подумаешь... И британцы еще

к тому же оказались вежливыми ребятами. Вида не подали, только уголки губ слегка подрагивали...

Луууу

Ему море по колено, *мистеру* Тригору, как его называли британцы и тут же подхватили наши. Вечером он всех пригласил в новый ресторанчик прямо в центре села. Тут такая традиция – еду ставить в несколько этажей. Столы, что называется, ломились. Ну а через три минуты после начала британцы стали гулить: лууу, лууу, лууу... Что на их вежливом молодежном сленге означает «туалет». Мы все туда-сюда, а нету. Я глазам не верю, себе не верю, бегу к официанту, а он высокомерно даже как-то говорит: у нас нету...

И мне теперь уже не важно, есть или нету, я спрашиваю, а как же вас санэпидемстанция открыла. А официант мне отвечает: а она и не открыла...

Мне хоть и неловко, я к мистеру Тригору, а он сидит румяный такой в костюме синем синтетическом с искрой, нарядный. И ему ничего. А британцы мои ходят за мной – лууу, лууу, луууу, – смотрят жалостливо и пританцовывают. Я, гордость поправ, говорю, Василь Василич, проблема, а где же тут... А он себя по лбу, ой, забыл! Я – в ужасе – забыли?! Пристроить к ресторану туалет забыли? И теперь как же?!

А он:

– Ты переведи им, что там на улице дежурят два уазика. Когда им надо, пусть не стесняются, пусть... идут в уазик...

Тут вот я и сама не знаю, как выразиться яснее. Признаться, я подумала, что ослышалась.

А Тригора как назло кто-то окликнул, он стал руки новоприбывшему жать, обниматься: – Оооо! – кричать. – Скольколет-сколькозим!!!

Компании у него шумные и многолюдные собираются, он человек хлебосольный, наш Василь Василич.

И он тут оборачивается досказать мне что-то, сосредотачивается и видит мой взгляд, застывший, внимательный, трезвый, изучающий взгляд. Не обещающий ничего хорошего.

– Как это, – спрашиваю, – Василь Василич, «пусть идут в уазик»? Как это?

– Та не, – отмахивается Василь Василич, – пусть садятся в уазик, и водитель их доставит на стадион.

– ???

– А там – новые шикарные туалеты. И все. Четыре минуты езды, я проверял.

Молодцы наши люди, ничего им не страшно. Это я переминалась, не знала, как объяснить деликатно, что когда, извините, приспичит, надо бежать к машине, ну и далее по плану. Британцы вообще-то сначала не поверили, что такое может быть. А потом ничего. Только они в своей стране привыкли часто бегать. И водители этих уазиков буквально запарились ездить туда-сюда. А уж их комментарии я тут цитировать не буду.

Британцы же были в восторге, предвкушая, что они расскажут дома.

И главное даже не это. А то, с каким громадным уважением они смотрели на наших людей, которые много пили, много ели и... никто из них ни разу за весь вечер не воспользовался уазиком!

Так что загадочна не только душа человека нашего, но и организм!..

Свадьба в Топоривке

Когда мы с британцами после трудного утомительного дня – поездки по разным фермерским хозяйствам и другим местам трудовой славы нашей области, где везде щедро ода-

ривали, кормили и поили, – вернулись в отель, там нас ждала живописная группа. Молодые люди в национальных костюмах, причем особенных, которые носят девушки только в одном селе на Украине – в Топоривке – и только по определенному поводу. Девушка в вышитой яркой одежде, в причудливом головном уборе, обшитом бисером, с метелочкой ковыля на макушке, в компании молодых людей – ребят в вышитых сорочках и кептарях (это гуцульские жилеты) и девочек в таких же шапочках с ковылем. Девушка и худенький молодой человек выступили нам навстречу и торжественно, громко и уверенно задекламировали:

– Просылы тато, просылы мама, и мы вас просымо завитаты до нас на вэсилля!

Тут же молодежь стала обносить всех вином из керамических стаканчиков и сдобным домашним хлебом.

Короче, моих британцев пригласили на свадьбу в Топоривку, исключительной красоты село, богатое, нарядное, большое поселение радостных, трудолюбивых людей, которые выращивают яблоки и чеснок, рисуют, вырезают, вышивают, и практически у всех у них родственники в Канаде.

Когда в Топоривку пришла советская власть, верней, только ступила, сделала первый шаг, многие тут же удрали в Канаду. И там стали выращивать яблоки и чеснок, за что украинскую колонию в Канаде так и называют «гарли2кы». От слова «garlic» – чеснок.

Короче, девочка Брандушка, немножко косенькая, но румяная, жизнерадостная, пышная, громкоголосая, со своим женихом, тоненьким мальчиком, похожим на инока (не обошлось тут явно без председателя сельсовета, который планировал привлечь в село британские инвестиции), приглашала нас всех на свою свадьбу. Нас предупредили, чтобы показать британцам весь ритуал, надо приезжать к девяти утра.

Ничто так не отражает характер мероприятия, как украинское слово «вэсилля», что означает «свадьба». Слово как будто заранее обещает необузданное веселье.

Как уж мои британцы нарядились – не передать словами. Шотландцы даже надели свои килты, чем ввергли в шок топоривских старушек – как же они хихикали, закатывая глаза и крестясь.

Утром за нами заехал большой автобус, где уже сидели наши уникальные, потрясающие свадебные музыканты.

Это требует здесь отдельного рассказа.

Мои британцы даже не представляли себе, что музыкант может не знать нот. А вот!..

Здесь у нас такая плодородная земля: дети, рождаясь, не кричат и не плачут, а сразу напевают. И обязательно что-нибудь свое, тут же сочиненное... И уже лет с десяти-двенадцати они начинают ездить по свадьбам и юбилеям, подрабатывать, играя сначала на местных национальных инструментах – сопилка, окарина, най, цимбалы, потом на клавишных, потом осваивая струнные и духовые... И годам к пятидесяти разве только на шотландской волынке не играют. И не факт, что не могут с первого раза – просто нет у нас шотландских волынок. Привезли бы шотландцы хоть одну с собой – моментом бы освоили! И что примечательно... Все наши буковинские музыканты считают Лучано Паваротти своим кровным братом на том основании, что великий оперный маэстро тоже не знал нотной грамоты и был толстый, а значит, тоже очень красивый...

Вы спросите, как они разучивали новое произведение, не зная нот. Рассказываю.

Вот сели мы с гостями в автобус. Поехали. Все радостные в предвкушении праздника, и мы, и музыканты.

Руководитель оркестра Дица вдруг, хитро на нас поглядывая:

– О! О! А давайте-ка сыграем иностранцам, чтоб знали! Я придумал! Ты, Миша, будешь играть вот так: ди-ри-ди-ри-ди-дай-да!

Миша тут же достает из футляра трубу и повторяет.

– А ты, Митя, – еще больше загорается вдохновением Дица, – ты, Митя, играешь так: тум-ту! Тум-ту! Тум!

Митя со своей огромной тубой повторяет звук в звук. Тут же подключаются большой и малый барабаны: оп-оп-оп-па! Трь-рь-рь-рь-тръ-тръ-щ-щ-щах!!!

– А это что, Дица, народная какая-то мелодия?

– Чего?! – возмущается Дица. – Ты что?! Глухой, да, совсем? Это я сам сочинил! Только что! В автобусе! Когда мы проезжали дом начальника тюрьмы. Там такой вид был! Высокий забор, так? А на веревке форма начальника тюрьмы сушится, так? И ворон над домом кружит. Ы? – Победительным взглядом Дица оглядывает всех нас в автобусе и добавляет: – И так мне стало радостно и легко на душе, что я тут же эту музыку взял и написал. В уме!

Музыканты понимающе, одобрительно кивают. Я перевожу весь его странный вдохновенный монолог на английский.

Миша проявляет инициативу:

– Дица, Дица, а может, тут не так (поет): «Ди-ри-ди-ри-дам-да!» А вот так: «Та-ра-да-ри-ди-ри-ди-ри-ди-ри-да-а-а-а! Э-э-э-эх! А-ша!»

– Слушай, Миша, кто композитор, ы? – недовольно хмурит брови Дица. – Я – композитор? Или ты – композитор, ы? Кто эту музыку написал, ы? Я написал? Или ты написал? Ы? Давай лучше слова придумывай к моей музыке.

– Про что?

– Ну как про что? Ты что, музыку не слышишь? Про родину: про виноград, про девушку какую-нибудь, про начальника тюрьмы, я знаю...

– Ы! Я что тебе – Илья Резник, так просто в этом старом автобусе слова придумывать?! Я не умею так просто в автобусе. Мне надо условия!

– Ладно-ладно, не шуми! Условия ему... Тебе нельзя условия! Твоя печень уже не выдерживает такие условия... Ладно, будет инструментальная музыка. Без слов.

– Мэриэнн, а мы тоже хотим спеть на свадьбе, только у нас нет нот... – говорит Бобби.

– Какие ноты, зачем ноты... Не путай нас!!! – требует Дица. – Пой давай!

И Роберт запел:

Step me gaily, off we go
Heel for heel and toe for toe,
Arm in arm and off we go
All for Mhairi's wedding.
Plenty herring, plenty meal
Plenty peat to fill her creel,
Plenty bonny bairns as weel
That's the toast for Mhairi.

(Шотландская песенка о том, как мы весело идем на свадьбу к Мэри.)

Музыканты легко подхватили мотив, и автобус остановился рядом с домом, щедро украшенным цветами и гирляндами, как у нас принято здесь, на Западной Украине.

Дица с друзьями взяли инструменты и вошли во двор. У них начинается работа. Гостей пригласили чуть-чуть перекусить с дороги. Им подали куриный суп с домашней лапшой и зеленью из печки – наваристый душистый суп, который подают на свадьбы, называется «зупа».

Если в больших городах – что в наших, что в британских – все садятся в автомобили с кольцами и ляльками на капоте, а сейчас-то даже в карету или вертолет, то в Топоривке народ скромный – даже в нынешние времена, в двадцать первом веке, свои лимузины, мерсы,

«лексусы» они оставляют в гаражах, а во время свадьбы... А во время свадьбы они ездят верхом. Едут они под музыку медленно и величаво по селу туда-сюда. Сначала в сопровождении оркестра жених едет забирать невесту. Итак, следом за кавалькадой – жених на вороном коне, его товарищи, «дружбы», то есть шаферы, на каурых – тащимся мы, сытые и довольные. Британцы – с любопытством, я – с гордостью. А в это время во дворе у невесты целый ритуал, это долго описывать: там и надевание фаты, и прощание с родителями, а если, не дай бог, песню заведут – «Вже бым була йихала, вже бым була йшла, ще своєму тату не дякувала...». И пошла невеста поклоны отвешивать – тату, маме, брату, сестре, бабушкам, дедушкам, соседям, подругам, печке в доме – сейчас-то в основном молодые кланяются автономному газовому итальянскому котлу, а тогда – печкам, печам или в самых богатых семьях батареям и АГВ. Благодарят хлеб на столе. Потом невеста своей девичьей постели кланяется, кроваточке из березы, собаке и воротам заодно, что хлопцев не пускали, окошку, в которое жених лазал в щечку только поцеловать. (Ай, перестаньте! У нас невест, бывает, прямо со свадьбы увозили в роддома, и куда ворота и собаки глядели, никто не удивлялся. Детей у нас любят. Очень. Осуждают, конечно, а как же!) И так бродили мои британцы вслед за музыкантами и невестой по хате – а там три этажа, балконы и башенки – и по всему двору, и на каждого, кого невеста благодарит, целый куплет с припевом: «Вже бым була йихала, вже бым була йшла...» – и вступление – восемь тактов... Сдуреть можно... Но для Брандушки, невесты, это ж в первый раз. И музыкантам за все куплеты плачено отдельно. (Они, кстати, когда договариваются, спрашивают, сколько куплетов благодарности будет... И за это отдельную покуплетную плату требуют, потому что очень уж нудная она, эта песня...) Иногда родители ждут не дождутся, когда дочку свою великовозрастную замуж спихнут, а она, холера такая, еще ошивается вокруг дома в занавеске белой с бумажкой, где список, с кем ей еще попрощаться. Ходит, слезы из себя давит, убивается, на мебель кидается телом, чтоб все вокруг видели, как ей не хочется замуж, и заставляет тату своего платить музыкантам отдельно за «ди жель», за церемонию печали то есть. Наслаждается всеобщим вниманием, строит из себя Веру Холодную. Мол, как ей тяжело из родительского дома уходить, глаза б родительские ее уже не видели, надоела, вся в соку, а еще две сестры ждут не дождутся... И папе с мамой так не терпится, что готовы ее коленкой под кринолин выпихнуть из дому, чтоб уже шла, пока жених не передумал. А такое у нас тоже бывает. Жених нынче пошел очень гоноровый.

Когда прощание невесты с домом заканчивается, наступает сам процесс забирая невесты – Брандушке подвели разукрашенного белоснежного коня, она легко скакнула в седло. Уже бы поехали, так нет же. Мы стоим, смотрим. Во двор выносят дзестры – невестино приданое. И начинается подробная конфискация имущества женихом. Под музыку. Жених с коня и его родители строго и придиричливо следят, подсчитывают. Выносят из дома накопленное добро – от холодильников до кроликов с атласными ленточками на шее. И со всем этим весело танцуют. И чем больше вещь в приданое, тем длиннее танец. С креслами над головой пляшут. С диванами гарцуют.

О! Надо было видеть, как вся семья Брандушки – а Брандушка – это такая крепкая девушка и такая большая, что в ее тени верхом на коне мы все спрятались от жары, – на радостях минут пять отплясывала с ореховым зеркальным шкафом-купе в разобранном виде: – Хопа-хоп! Умца-умца!

А потом Брандушка давай одаривать гостей. Каждый англичанин получил в подарок резную огромную многостворчатую шкатулку для рукоделия – туда в каждый ящичек много чего можно было сложить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.